

ЛИНГВОПОЭТИКА

Метасемиотическое звучание как часть авторского замысла в романе А. Мердок «Ученик философа»

© кандидат филологических наук А.А. Изотова, 2012

В романе Айрис Мердок «Ученик философа» (The philosopher's pupil) читатель нередко сталкивается с метасемиотическим звучанием фраз и высказываний как в речи автора, так и в речи персонажей. Целью данной статьи является рассмотрение подобных случаев.

Обратимся к примерам:

'<...> I think Stella should have a quiet time to think it over. She's still in a state of shock, she's sort of prostrate.'

'Stella prostrate? Never!' Brian admired Stella.

'Do you know, George hasn't been to see her since the first day?'

'George is demonic, like Alex,' said Brian. 'He would feel it stylish not to turn up, then it would seem inevitable.'

'You keep saying he's a dull dog.'

'Yes, he's commonplace, a thoroughly vulgar fellow, like Iago.'

'Like — really! But Alex isn't demonic, she's become much quieter, a sort of recluse, I feel quite worried about her.'

Осуждая главного героя романа Джорджа Маккаффри в беседе со своей женой, его брат Брайан Маккаффри сравнивает поведение Джорджа с поведением Яго, известным персонажем трагедии Шекспира «Отелло». Употребление этой аллюзии метасемиотически показывает неприязненные отношения между братьями, что доказывает дальнейший текст романа.

Brian was often irritable, sometimes angry, and (but this more rarely) if he was very displeased he withdrew himself from Gabriel. This sulky withdrawal, the result simply of his own ill-temper, he felt as a black iron pain, an experience of hell, yet he could not inhibit this form of violence. He did not display anger to Adam, but felt in his relation to his son a terrible vague inadequacy, a sheer awkward embarrassed clumsiness which distorted communication. Sometimes it seemed to him that Adam understood this and came to him with deliberate olive branches, little touching reassuring gestures of affection, which Brian found himself accepting gracelessly as if he were being condescended to.

В данном случае используется известное идиоматическое выражение «olive branch» (оливковая ветвь как символ мира). Из контекста романа читатель узнает, что чувствительный и ранимый сын Брайана Адам, имея доверительные отношения с матерью, не мог найти общий язык с отцом. Здесь словосочетание «olive branch» употребляется во множественном числе и определяется прилагательным «deliberate» (преднамеренный), что показывает неоднократные обдуманные попытки мальчика сблизиться с отцом.

Gabriel liked to be fully occupied. She enjoyed housework. She had enjoyed preparing and arranging Stella's room and putting in daffodils.

Stella, lying on the sofa and looking at the way her upturned feet made a bump in the chequered rug, felt altogether alienated from her customary reality, or was perhaps realizing that she had not, and for some time now had not had, any customary reality. She looked past Brian at the tiny garden, the overlapping slats of the fence, some horrible yellow daffodils jerking about in the wind. She very much wanted to cry. She lifted up her head and hardened her eyes and wondered what on earth she, she, was doing in this place among these people.

В связанных контекстах описывается восприятие цветов Габриэль, женой Брайана и Стеллой, женой Джорджа, которую он оставил. Габриэль любит природу, свой дом, и для неё огромным удовольствием является приготовление комнаты для Стеллы и украшение её нарциссами. Стелла же, временно остановившись в доме родственников, совсем по-иному воспринимает цветы: ей желтые нарциссы, развевающиеся на ветру, кажутся ужасными, что метасемиотически показывает её опустошённость после разрыва с мужем.

Father Bernard looked at Stella with his gentle inquisitive light brown eyes and stroked back his fine girlish dark locks. He understood her attitude to him perfectly. His visit, motivated by curiosity, was at least partly pastoral as well. He did not think it impossible that he might somehow at some time be of assistance to this interesting woman. He did not mind running the risk of seeming an intrusive fool. In his view, people in such matters erred more by not trying than by trying too much.

He said in answer to Stella's remark, 'I know,' and 'I just came by to look at you, and to be looked at, like in the hospital. I too exist. A cat may look at a queen.'

Священник отец Бернард напоминает Стелле о своём скромном существовании, обыгрывая идиому «a cat may look at a king» (смотреть ни на кого не возбраняется; и простые люди имеют свои права в присутствии высокопоставленных лиц). При этом компонент идиомы «king»

заменяется на тематически близкий элемент «queen», что демонстрирует величие и царственную красоту героини.

John Robert had lived for so many years in the foggy space of his own thoughts, never pausing, never resting, the prey of incessant anxiety, carrying innumerable abstract interconnections inside his bursting head. He could feel the billion electric circuits of his frenzied brain, and how his mind strained and slipped like a poor overloaded horse. And was he now to work as he had never worked before? Sometimes he seemed to traverse vast heavens, sometimes to be enclosed in an iron ring, tied to one place, rooted in one spot.

Повествуя о работе философа Джона Роберта Розанова, автор сравнивает его ум с несчастной перегруженной лошадью («a poor overloaded horse»). Действительно, читатель узнаёт, что Джон Роберт не давал отдыха уму над своими научными исследованиями, часто не обращая внимания на окружающий мир или раздражаясь на мешающих ему заниматься людей.

'You ruined my life, you know. Do you know? If you hadn't discouraged me just at that crucial moment I might have made something of my life. I never recovered from your high standards. So you owe me something!'

'I owe you nothing,' said John Robert, but he said it without animosity, indeed without animation.

'Kant cared about his pupils. Not like Schlick. Kant looked after his pupils years later -'

'You know nothing about Schlick.'

'You destroyed my belief in good and evil, you were Mephistopheles to my Faust.'

'You flatter yourself.'

Беседуя с Джоном Робертом Розановым, своим бывшим учителем философии, Джордж Маккафри говорит о разрушении веры в добро и зло, о том, что учитель был Мефистофелем для его Фауста, используя известную аллюзию на «Фауст» Гёте. Из более широкого контекста романа читатель узнаёт, что во многом течение жизни Джорджа было нарушено из-за его учителя, который настоятельно советовал ему не заниматься философией, подчёркивая, что у него нет способностей к этой науке.

Soon she would be eighteen. She felt unready for this or indeed any other future. Had she a future? Or was the problem rather that she had nothing else, an excess of future, white and unmarked and blank? Her future. Could she own such a thing? One of the teachers talked about a crisis of identity.

Hattie had no identity and nothing as creative as a crisis. She thought, I am nothing. I am a floating seed which a bird will soon eat.

В данном примере внучка Джона Роберта Розанова Хетти Мейнелл сравнивает себя с зерном, которое вскоре склюёт птица. Этот метафорический образ показывает неуверенность хрупкой девушки, сироты, почти не видевшей деда, в своих силах и будущем (хотя и финансово обеспеченном Джоном Робертом).

In the Quaker Meeting House a profound silence reigned. Gabriel McCaffrey loved that silence, whose healing waves lapped in a slow solemn rhythm against her scratched and smarting soul. The sun was shining through wind-handled trees outside, making a shifting decoration of yellow spear-heads upon the white wall. The room was otherwise bare of adornment, a big handsome high-ceilinged eighteenth-century room, with tall round-headed windows.

Царившая в доме тишина описывается в восприятии Габриэль Маккаффри как поток. Целебные волны безмолвия окутывают торжественным ритмом её истерзанную душу. Это метасемиотическое описание существенно, так как показывает любовь героини к уединению, её тонкую ранимую душу.

John Robert was never sure later on exactly when he had begun to notice Hattie; perhaps not until she was about eight or nine, and her mother, whom she had been so drearily 'part of', was already dead. She was a solemn child, aloof and shy, but, unlike Amy, not patently intimidated. She had Whit's Icelandic mother's stone-blue eyes and silver-gilt hair. But in the totality of her face and tenure she resembled Linda. John Robert's heart had long ago been walled up and frozen; or rather his heart had become an intellectual organ and it was as such that it could beat strongly and warmly.

В данном случае показано отношение Джона Роберта Розанова к своей внучке Хетти: сердце философа, по метафорическому определению, давно было замуровано и застыло или, скорее, оно стало органом интеллекта, но всё же при воспоминании о девушке начинало взволнованно биться и оттаивало.

Of course Tom had, even in the company of the agreeable Anthea, very odd secret thoughts in his head. In fact he was worrying and annoying himself into a frenzy. He thought he could actually see lines appearing on his forehead. The ridiculous misbegotten interview with Hattie had left a painful throbbing scar upon Tom's soul. Tom was accustomed to an unscarred soul; an aspect of his cheerful temperament was indeed a calm modest sunny little self-satisfaction of which he allowed himself to be aware as harmless.

В данном контексте описываются переживания Тома Маккаффри по поводу его неудачной встречи с Хетти Мейнелл. Эта встреча оставила болезненный волнующий отпечаток, след в душе поэта и начинающего писателя. Словосочетание «a painful throbbing scar» безусловно является метасемиотически насыщенным, так как далее в тексте идёт уточнение, что Том привык иметь душу без рубцов или шрамов («an unscarred soul») из-за своего жизнерадостного характера.

*'And if George were cured, "exhausted" as you said, if he were weak and pale like a grub in an apple, docile, would he still **interest** you? Don't you rather **like** the waiting?'*

'Sometimes I feel as if George were a fish I'd hooked... on a long long line ... and I let him run ... and run ... and run ... What a terrible image.'

Образ Джорджа Маккаффри как рыбы, болтающейся на удочке, в речи его жены Стеллы функционирует на метасемиотическом уровне и показывает властный и сильный характер Стеллы, способной управлять мужем.

*'Nothing happened between me and Mrs Sedleigh,' said Tom. ' **You know that.** You're confusing everything, because you want to cover up your own beastly crimes.'*

'I don't know what you did with Rozanov's little girl,' said George, 'but it certainly looks as if you behaved like a cad and she behaved like a -'

'Stop,' said Tom.

'You can't now claim to be a defender of her honour. Isn't it strange? It seems that Tom can do anything and still be Sir Galahad, and any ordinary mistake of mine is labelled a crime. You heard him just now talking about my crimes.'

Джордж Маккаффри сравнивает своего брата Тома с сэром Галахадом, рыцарем круглого стола короля Артура. Эта аллюзия является символом благородства. Джордж сообщает о том, что всё, что бы ни сделал Том, воспринимается семьёй как благородное поведение, в то время как любая ошибка Джорджа рассматривается как преступление.

Таким образом, метасемиотическое функционирование описаний автора и высказываний персонажей придают роману более утончённый философский характер.